DOI: 10.11649/sfps.2016.015

Валентина Григорьевна Кульпина
(Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова)

Виктор Андреевич Татарinov
(Российское терминологическое общество «РоссТерм»)

Современные славянские языки в академической славистике:
процессы, тенденции, коммуникация и деривация.

Rec.: *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków
słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku*
(„Prace Slawistyczne – Slavica”, 136), red. Zofia Rudnik-Karwatowa,
Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, Warszawa 2012, 188 ss.

В сборнике представлена довольно многообразная тематика, ее объединяет связь с инновативными процессами в современных славянских языках, с наметившимися в этом плане тенденциями и с изменениями в подходах к явлениям языковой неологии, обозначившимся за последние годы в современном славистическом языкознании. Рецензируемый

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 3.0 PL License (creativecommons.org/licenses/by/3.0/pl/), which permits redistribution, commercial and non-commercial, provided that the article is properly cited. © The Author(s) 2016.

Publisher: Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences
[Wydawca: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk]

сборник обязан своим появлением сотрудничеству академических славистических центров Болгарии, Польши, России, Словакии и Чехии. В центре внимания исследователей находятся процессы коммуникации и их лингвистические манифестации в виде интернационализации, глобализации, демократизации и в то же время национализации, автохтонизации, экономии и адаптации, отражения в славянских языках процессов цивилизационного развития и другие вопросы. Обо всем этом говорится в предисловии от редактора Зофьи Рудник-Карватовой.

Сборник открывается статьей Гинки Бакырджиевой (Пловдивский университет «Паисий Хилендарски», Карлов университет, Прага) «Торговая марка – правовые нормы и речевое употребление (на материале болгарского языка)». Статья посвящена неологизмам-названиям торговых марок, которые пришли в болгарский язык за последнее время в связи с процессами глобализации. Языковой материал описывается в погружении в языковую ситуацию и коммуникативные процессы, связанные с данным типом неологизмов. Г. Бакырджиева указывает, что

тенденция к интернационализации лексики превращается в социолингвистический феномен, фокусирующий на динамичных процессах как в публичном, так и в личном пространстве (с. 10).

В центре внимания – неологизмы-хремотонимы, отправной точкой для создания которых послужили названия торговых марок. Бурное развитие в этой области вызвано рядом экстралингвистических факторов, среди которых так называемые четыре гарантии свободы движения – товаров, лиц, услуг и капитала, объединение рынков, гармонизация законодательства в области торговли и услуг, что находит свое отражение в вопросах интеллектуальной собственности, авторского и патентного права. Названные факторы приводят в движение процессы, когда «марочное имя превращается в родовое название целой категории продуктов или услуг» (с. 10). Речевое употребление марочных имен прослеживается автором на материале словарей современного болгарского языка, энциклопедической информации, а также на материале интернет-изданий, форумов и блогов. Указывается на важность номенклатурного названия как средства выделения продукта из массы других товаров той же товарной категории, установления соответствия между продуктом и его происхождением, обеспечения правовой защиты. Графически торговая марка может иметь буквенное, цифровое, цветное или звуковое выражение, представлять собой слова (в том числе

имена людей), рисунки, фигуры, комбинации разных символов. Будучи конгломератом разных элементов, торговая марка являет собой комплексный знак, для которого главное – обладать отличительными признаками, иметь графическое выражение, не вводить в заблуждение и быть удобным для использования. В условиях всё большего разнообразия товаров и услуг в системе языка нарастает необходимость в новых названиях. В то время как словарный запас апеллятивов расширяется за счет заимствований (*принтер, сканер*), часть названий имеет своим источником торговую марку. Характерно вместе с тем то, что в результате апеллятивизации торговая марка перестает ассоциироваться с породившим ее производителем, утрачивая свой индивидуальный характер. Автор считает, что если рассматривать такие единицы с точки зрения типологии неологизмов, они могут быть отнесены к неосемантизмам, образовавшимся через метонимический перенос. Мечта маркетологов – чтобы торговая марка превратилась в синоним категории продуктов. Но при этом иногда они преступают опасную черту, когда название перестает восприниматься как торговая марка в силу смены ассоциаций в сознании потребителя. Марка начинает обозначать продукт как таковой, хотя он может быть произведен разными конкурирующими производителями. Названия торговых марок, как указывает автор, производятся по определенной технологии и являются продуманным целенаправленным актом. В этот процесс задействован целый ряд прагматических факторов, как-то: «тип продукта, его предназначение, потребитель, реклама, распространение, правовые нормы и др.» (с. 14). На первый план выходит здесь информативный потенциал имени, его способность вызывать ассоциации с продуктом и иметь отличительные признаки, обращенные к его производителю; мотивация может быть семантическая, словообразовательная, звуковая и др. Рассматриваются разные, в том числе комбинированные, способы создания названий торговых марок. Г. Бакырджиева обращает внимание на то, что ранее названия торговых марок имели древнегреческое или латинское происхождение, в наши же дни преобладают таковые англоязычного происхождения (*скайп, айфон, фейсбук*), становящиеся эмблемой нынешнего интернет-поколения, причем названия новых стройматериалов, сферы развлечений, моды, текстиля, продуктов проникают в každодневную речь. Названия товаров и услуг автор относит к специфическим именам собственным – названиям серийных объектов. Он отмечает, что ряд исследователей относит их к хрематонимам как единицам, называющим

артефакты. Адаптация новых названий и их интеграция в современный болгарский язык осуществляется прежде всего путем транскрибирования на основе кириллического алфавита при максимально точном отражении произношения слова в языке-источнике. В то же время всё чаще встречаются надписи на латинице. Апеллятивизировавшиеся названия торговых марок пишутся с маленькой буквы, без кавычек, «приписываются» к какому-то грамматическому роду; исчисляемые приобретают форму множественного числа. Название в системе языка может обрастать дериватами и значениями (ср. *фотошопвам* 'фотошопить' от *фотошоп*; *фотошопване* – отглагольное существительное от *фотошопвам*), что является показателем интеграции в языковую систему. Употребление торговой марки в качестве родового понятия, с одной стороны, говорит о том, что название подобрано верно. Но с другой стороны, имя утрачивает свой индивидуальный характер, и в этом заключено некое противоречие. В нормативных документах предусматривается ситуация утраты именем свойств торговой марки и как следствие – отмена ее регистрации. Производители известных марок проводят разъяснительную работу, чтобы их марку не путали с другими. Описательные обозначения продуктов не срабатывают, так как не отвечают закону языковой экономии в развитии языка:

Вопреки тому, что способ использования торговых марок регламентируется законодательством, процесс превращения ряда таковых в обычное название данной категории товаров или услуг протекает постоянно. В ежедневной коммуникации описательные обозначения продуктов оказываются низкоэффективными, поскольку не удовлетворяют одному из основных законов развития языка – закону языковой экономии. В рекламных сообщениях, объявлениях и СМИ продолжают использоваться сочетания типа памперсы «Libero», ксерокс «Canon», джип «Toyota» независимо от жалоб производителей (с. 29–30).

Видимо, «экономные» названия являются всё-таки не результатом языковой экономии, а естественным следствием перекатегоризации явлений, которая присуща человеческому мышлению вообще, так что жалобы производителей не смогут скорректировать такие категориально-ментальные процессы. В результате апеллятивизации ряд торговых марок становится исходным элементом словообразовательных гнезд и развивает переносные значения, обогащающие (а не экономящие) язык новыми названиями, при этом старые исчезают.

В статье Якуба Банасяка (Институт славистики ПАН, Варшава) «Новые болгарские и польские деноминальные предикаторы» предметом анализа

являются глагольные «формации, образовавшиеся от корневых морфем существительных» (с. 35). Словообразовательная основа может представлять собой как абстрактное существительное (ср. польс. *apelować* и болг. *апелирам* 'апеллировать'), так и конкретное (ср. польс. *królować* от *król* 'король' и болг. *царувам* 'царствовать' от *цар* 'царь'. Автор говорит о маркированности таких структур с точки зрения категории определенности/неопределенности. В анализе новой польской и болгарской лексики Я. Банасяк опирается на классификацию Боженны Бояр и Малгожаты Корытковской (Bojar & Korytkowska, 1993, сс. 29–49). Он указывает, что в современном польском языке последних 20–25 лет выделилась группа дериватов (не имеющая синтетических болгарских коррелятов) типа *menedżerować* от *menedżer* 'менеджер', *liderować* 'лидерствовать'. В польском языке имеется группа глаголов с семантикой *покровительствовать кому-л.*, образованных от терминов родства, ср. *ciotkować* от *ciocia* 'тетя', *wujkować* от *wujek* 'дядюшка'. В то же время имеется и слой новой глагольной лексики, общий для обоих языков, развивающийся в этих языках параллельно, напр., *sponsorować* – *спонсирам* 'спонсировать', *bloggerować* – *блогвам* 'блогерствовать', *sekretarzować* – *секретарствам* 'секретарствовать'. Более редким случаем является отсутствие польского эквивалента. В болгарских и польских деноминальных глаголах наблюдается вариантность и нестабильность нормы, связанная с конкуренцией суффиксов. Экстралингвистические факторы, вызвавшие к жизни новую глагольную лексику, возникли благодаря появлению новых денотатов. В этом плане в рассматриваемых языках прослеживается много аналогий. Такие формации возникают на базе заимствованной лексики прежде всего под англоязычным влиянием. Я. Банасяк считает, что «аргументное содержание, встроенное в предикативное выражение, может сигнализироваться корнем глагола...» (с. 48). Он приводит примеры: польс. *sms-ować* болг. *смс-вам* 'эсэмэсить' и обращает внимание на то, что аналогичное содержание может быть передано вербономинальной конструкцией типа *zajmować się e-handlem* 'заниматься е-торговлей', реже встречается польс. *e-handlować* 'е-торговать'. Наличие префиксоида *е-* автор расценивает как новое формальное средство, служащее встраиванию аргументного содержания. Я. Банасяк подчеркивает конденсированность семантики деноминальных глаголов:

Формации со встроенным аргументом и предикативным содержанием имеют уменьшенное количество обязательных дополнений по сравнению с именным сказуемым и глаголов, не инкорпорировавших аргументную

позицию (...), рост количества и частотности употребления деноминальных глаголов является проявлением тенденции к экономии (...), синтетические формации значительно более экономны. Тенденция к экономии особенно сильно проявляется в устном языке (разговорном и жаргонном), из которого приходят многие деноминальные глаголы (с. 49).

Я. Банасяк выделяет новые глаголы, связанные с семантикой вспомогательного материала – например, *chlorować* – *хлорирам* ‘хлорировать’, *gipsować* – *гипсирам* ‘гипсовать’, *sprejować* – *спрейвам* от *спрей*; он отмечает особую продуктивность лексики, связанной с компьютерными технологиями: *skanować* – *сканирам* ‘сканировать’. Среди каузативных глаголов на регулярной основе образуются расширенные варианты (с расширенными суффиксами). Констатируется, что деноминальных глаголов в обоих рассматриваемых языках становится всё больше. В то время как ранее такие формации находились на периферии системы в виде терминологических употреблений или экспрессивно маркированных окказионализмов, в наши дни они значительно расширили сферу своего употребления, особенно в польском языке. Я. Банасяк указывает на возможность образования от новых глаголов отглагольных существительных, ср.: *wideofilmowanie* ‘видеофильмирование’, *аудиоблогване* ‘аудиоблогерствование’. Особую продуктивность суффикса *-owa-* ‘-ова-’ в польском языке Я. Банасяк объясняет тем, что его употребление не влечет за собой морфонологических чередований. Автор обращает внимание на наметившуюся в славянских языках (не только в польском и болгарском) «тенденцию избегать в процессе деривации морфонологических альтернатив» (с. 47), что происходит как бы в автоматическом режиме, приводя к значительным изменениям в глагольной системе, и может быть представлено в виде некоей болгарско-польской изоглоссы.

Ян Босак (Языковедческий институт Л. Штура Словацкой академии наук) в статье «Вариантность как ярчайшая характеристика языковых ситуаций за последние два десятилетия» остановился на работе Международной комиссии по славянским литературным языкам при Международном комитете славистов (основанной в 1970 г.), которая уже с первых шагов выдвигала задачу распространить функциональный и социолингвистический подходы на проблематику литературного языка, нормы и кодификации, а вариантность языковых средств рассматривать как проявления синхронной динамики. В 1972 г. на заседании Комиссии в Скопье была принята социолингвистическая исследовательская стратегия изучения

социокоммуникативных условий общения с целью перехода от анализа языковых средств и структур к изучению вариантности в сфере коммуникации с учетом социальной стратификации и территориальной дифференциации. Ставилась задача изучения функционирования литературного языка в реальной практике, анализа вариантной литературной нормы в плане ее развития, в том числе социорегионального, с учетом оценки письменной нормы участниками актов коммуникации, установления инвентаря средств письменного языка в сопоставлении с разговорным языком. Я. Босак подчеркивает, что язык как социокоммуникативная система характеризуется функциональной комплементарностью, отражающей реальную речевую ситуацию. На этой основе и разрабатывались новые основы литературного языка. Важно было выработать новый подход к норме не только как к языковой, но и как к социолингвальной категории, а значит, перейти к ее представленности несколькими варьирующими нормами. Наряду со стилевыми нормами были выделены коммуникативные нормы-принципы, соблюдение которых служит успеху коммуникации. Литературный язык рассматривается при этом не как теоретический конструкт, а как реальная коммуникативная система, функционирующая в конкретных ситуациях общения. Одним из важных понятий теории литературного языка стала языковая ситуация, рассматриваемая как комплексное понятие, содержащее в себе наряду с языковой – социосоставляющую (в виде данного языкового сообщества, дифференцированного в социальном, региональном и поколенческом ракурсах). Я. Босак подчеркивает, что понятие языковой ситуации в исследованиях славянских языков стало исключительно значимым, его разработка велась на постоянной основе. С ходом времени обозначились факторы, которые более всего способны повлиять на языковую ситуацию. Среди таковых, в частности, расширение сфер коммуникации (особое влияние устных сообщений, отсюда все более спонтанный, неофициальный характер актов коммуникации); изменения в каналах коммуникации и преобразования в стилевых разновидностях (смешение публичной и непубличной коммуникации, упор на полуофициальную коммуникацию, на образцы СМИ, не всегда наилучшего качества); использование миллионных текстовых корпусов с электронной поддержкой и др. Обозначилась множественность моделей стратификации национальных славянских языков. Их дифференцированность есть следствие возникновения в процессе коммуникации многочисленных переходных форм как результата расширения сферы литературного языка. Я. Босак

подчеркивает, что кодификация – это прежде всего релятивное явление, с точки зрения прагматики следует обеспечить принятие кодификации на практике, ведь если пользователи языка себя с нею не идентифицируют, то нет надежды на ее успешную реализацию.

Исключительно важным исследовательским инструментом стало понятие синхронной динамики, ориентированной на исследование вариантности языковых средств, а ее суть состоит в функциональной и структурной конкуренции сосуществующих явлений в конкретной языковой ситуации. Характерно, что новое явление не заменяет уходящего явления сразу же – какое-то время явления друг с другом сосуществуют. Я. Босак подчеркивает, что отправной точкой изучения этих процессов является коммуникативная практика как реализация языковых явлений в разнообразных коммуникативных ситуациях разными сообществами коммуникантов. Вариантность нормы связана с коммуникативным планом функционирования литературного языка, с влиянием социорелевантных факторов, в том числе цивилизационно-культурных и экономико-технических. Динамика литературного языка в меняющихся коммуникативных ситуациях требует увязки с динамикой познания новых явлений. Чтобы шагать в ногу с процессами познания, современной лингвистике недостаточно внутриязыковых подходов, ей следует выйти за привычные рамки навстречу комплексной проблематике языковой ситуации. Я. Босак подчеркивает необратимую смену исследовательской парадигмы в сторону функционирования языка в обществе. Он указывает, что общеполитические изменения в славянских странах нашли свое выражение в мощных интернациональных влияниях не только на словарный запас, но и на все уровни и подсистемы языка, включая орфографию и орфоэпию. Большинство исследователей сходятся во мнении, что интернационализация является выраженной развивающейся тенденцией, охватывающей все языки и социумы; она сопряжена с параллельными процессами терминологизации, интеллектуализации, демократизации и глобализации. В плане интернационализации языковая проблематика является отражением цивилизационно-культурных влияний (спорт, моторизация, популярная музыка). Глобализация вызывает к жизни противодействие в виде национализации, автохтонизации, а в некоторых языках – регионализации. Проявившиеся тенденции следует рассматривать не в плане свое – чужое, но в плане изучения коммуникативной, стилевой и прагматической функций новых единиц. Языковым носителем новых процессов является английский язык, в широких масштабах влияющий

особенно на младшее поколение. При анализе всё большего количества разнообразных текстов недостаточно традиционно выделяемых стилей; ряд языковедов предлагает работать с понятием подъязыка, выделяя, к примеру, подъязыки права, СМИ, рекламы. При новых методологических подходах все более актуально звучит вопрос, как оценивать языковые варианты – при том, что нормативистская лингвистика старается применить к таковым прескриптивный подход. Тем не менее уровень вариантности в языке постоянно растет, и это естественный способ развития и функционирования языка. Ведь вариантность не означает упадка литературного языка; она есть проявление его динамики. Плодотворность социолингвистики – в ее стремлении рассматривать языковые явления во всем их разнообразии, обращая внимание не только на системную вариантность как результат асимметрии языкового знака, но в первую очередь на вариантность социокоммуникативную. Варьирование по сути ведет к дивергенциям, противостоящим нормированию, но это не свидетельство несовершенства языковой системы, так как говорит о неизбежности такого этапа в преобразовании элементов языковой системы, который позволяет сохранить преемственность языковых навыков и обеспечить оптимальный способ языкового выражения. Понимание языка как социокоммуникативной системы означает переосмысление понимания нормы не только как принадлежности языка. Я. Босак подчеркивает, что норма постоянно развивается, поэтому кодификация в состоянии охватить отдельные изменения и инновации лишь поэтапно. Кодификация связана как с системой (норма есть социально принятая реализация языковой системы), так и с узусом. Кодификацию не следует отождествлять с нормой, нужно в большей мере учитывать реальный узус, причем узус литературного языка является единственной непосредственной эмпирической данностью. Кодификация – прежде всего релятивный феномен; в истории языка критерии кодификации, как известно, подвергались изменениям. Необходимо сосредоточиться прежде всего на том, как в эпоху глобализации всё еще всеохватный во всех славянских языках прескриптивизм заменить дескриптивизмом, который не везде еще проложил себе дорогу, и решить этот вопрос непротиворечиво в коммуникационном плане. Опыт показывает, что стимулами для развития литературных языков являются нередко именно нелитературные варианты. В центре исследований всегда пребывали литературность, стандартизация, нормализация и проблемы кодификации; субстандартные явления рассматривались в оппозиции

к «официальному» литературному языку. Однако в современной публичной коммуникации единицы стандарта и субстандарта сосуществуют. Субстандартные единицы заполняют лакуны в коммуникации, причем число таких единиц быстро нарастает, доставляя проблемы кодификаторам. Изменения в каналах коммуникации – массовое влияние ТВ, радио, интернета, приспособление СМИ к общему уровню – приводят к снижению престижности художественной литературы как языкового образца. Новые методологические подходы в словацком языкознании нашли свое выражение в ряде проектов. Социокоммуникативная ориентация исследований выразилась в коллективной монографии „Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny”, ‘Динамика словарного запаса современного словацкого языка’ (Horecký, Buzassyová, & Bosák, 1989), предвосхитившей развитие словацкого языка в грядущие два десятилетия. В монографии обращается внимание на необходимость преодоления системного понимания языка как интерпретации отношений между его элементами. Подчеркивается, что описание языковой динамики состоит не в том, чтобы отнести языковые средства к литературным или нелитературным. Важно изучать язык во всем его многообразии и диалектической противоречивости, с учетом того, что ряд языковых средств имеет переходный статус. Я. Босак отмечает, что многие методологические подходы получили свою реализацию в многотомном «Словаре современного словацкого языка». Так, были внесены изменения в систему помет, введен так называемый функциональный тип квалификатора, ориентированный на прагматические аспекты коммуникации. Я. Босак констатирует, что в языкознании произошла переориентация в направлении учета коммуникативных аспектов языка. Необходимость быстро реагировать на меняющуюся действительность вызывает к жизни языковую вариантность как предпосылку любого языкового развития.

Ладислав Яновец (Кафедра чешского языка Карлова университета, Прага) в статье «Узуальность и окказиональность в интернет-коммуникации» сосредоточил внимание на языковых новациях, которые являются следствием внедрения новых технологий. Профессиональные подъязыки «скомбинировались» с «электронным социолектом». Язык программистов и специалистов по компьютерному оборудованию распространился на обычных носителей языка, причем всех поколений, благодаря мобильному телефону – и на людей пенсионного возраста, появились новые возможности работы на дому, новые возможности коммуникации с ровесниками, с родственниками. Электронные технологии перестали быть эксклюзивом.

Автор обращается к конференции в Институте чешского языка Академии наук Чешской Республики, проходившей в 2003 г., которая была посвящена изучению интернационализмов. На ней затрагивались многие аспекты интернационализации, в том числе эмотиконы как явление, сигнализирующее эмоции и уточняющее интерпретацию лексики. Тематика, затрагивавшаяся на конференции, видится автору безбрежной, поэтому он предлагает провести водоразделы между отдельными областями и отграничить то, что относится к исследовательскому материалу, а что к методам исследования. Основное внимание автор уделил в статье лексике, представленной в серверах и чатах с адресом *beremese.cz* за годы 2007–2011 с тематикой подготовки к свадьбе (ее планированию). Это женский вэб, основной возраст участниц – 18–35 лет. Сервер основан словаками, но большинство участниц чешки. Особенности их языка и стали предметом изучения автора. Сервер структурирован по основным темам, связанным с организацией свадьбы. Некоторые презентации граничат с рекламой. Один из разделов статьи посвящен интернет-псевдонимам – никам, обеспечивающим участнику дискуссионной группы, по выражению автора, «самостилизацию» и определенную анонимность. Часть ников составляют антропонимы реальные и вымышленные, нередко имена литературных героев. В качестве ника нередко использовалась фамилия пользователя, а также сочетание имени и фамилии. Часть самопрозвищ имеет зоономическую мотивацию, часть представляет собой топонимы (нередко локальные). Стремлением автора было выделить стереотипные ники, прежде всего уменьшительные и ласкательные модификации имени (*ivettka*, *lucianna*). В интернет-прозвища нередко включаются цифры (*XXX klarka*, *tinka 2011*). Реже выступают ники на основе фамилии; некоторые из них мотивированы обоими именами вступающих в брак (*kristyna_pavel*). Немалая часть участниц приводит фамилии – свою и жениха. Частотны ники, тематически связанные со свадьбой (*nevestinka09*). В некоторых присутствует сказочное измерение (*princesse*), в ряде выступают англицизмы (*girl83*). Часть имеет разговорный характер, часть связана с разного рода любезностями. Некоторые лексемы могут утрачивать экспрессивность в связи с частой повторяемостью: *nevestinka* ‘невестушка’, *svatbinka* ‘свадьбочка’, *dortíček* ‘тортичек’, *kytička* ‘букетик’, *šatičky* ‘одежоночка’, *fotečka* ‘фоточка’. Прозвища женихов не грешат разнообразием: чаще всего встречается *snoubenec* ‘жених’, *moje polovička* ‘моя половинка’, *můj chlap* ‘мой мужик’. В речи участниц высокочастотна экспрессивная лексика: *nadherně* ‘вели-

коленно', *suprový* 'суперский', а также префиксоиды: *super-* (уже стабильно употребляемый) и *mega-* (пока новинка). Эти модные префиксоиды могут функционировать в чешском языке в отрыве от определяемого слова (*super fotečku* 'супер фоточки'), могут писаться через дефис (*super-fotečku* 'супер-фоточки'). Лексическое значение у них отчетливо выражено, налицо тенденция к их употреблению в адъективно-атрибутивной функции. Автор останавливается на цветообозначениях, употребляемых участницами взба, отмечая, что основные, абстрактные цветообозначения используются редко, в основном в речи невест фигурируют производные от объектов цветовых эталонов – *citrinová* 'лимонный', *šetrliková* 'сиреневый'.

В статье Сии Колковской и Дианы Благоевой «Интернационализация новой лексики (на материале болгарского языка)» речь идет о новом пласте лексики в славянских языках – западноевропейского, прежде всего англоязычного происхождения, стимулирующем новые деривационные, лексические и синтаксические процессы. С. Колковска и Д. Благоева вводят уточнения в понимание интернационализмов, которые рассматриваются ими как

синхронная категория, которая устанавливается не для отдельного языка, а при сопоставлении большего количества языков, при этом минимальная изоглосса охватывает как минимум три языка, из которых хотя бы два принадлежат к разным языковым семьям (с. 84).

Авторы полагают, что при анализе интернационализмов необходимо принимать в расчет разные аспекты их функционирования: как их внедрение в болгарский язык, так и их адаптацию, причем в сопоставлении с другими славянскими языками. Объектом анализа являются новые интернационализмы как часть общего процесса интернационализации славянских языков. Авторы ставят своей задачей дать их типологию (на основе классификации интернационализмов Марии Поповой, см. Попова, 2006, сс. 161–166) и проследить распределение новейших интернационализмов по отдельным коммуникативным сферам и функциональным разновидностям языка. Авторы отмечают, что в большинстве случаев славянские лексические интернационализмы не имеют национально-специфичных особенностей ни в отношении звукового, ни в отношении графического облика. Они пребывают на разных стадиях адаптации в отдельных языках, что демонстрирует степень их словообразовательной интеграции. Выделяются *истинные интернационализмы* (*сервер*, *караоке* и др.),

полуинтернационализмы (болг. и рус. *киберпространство*, польс. *cyberprzestrzeń*, англ. *cyberspace*). Выделяются также поликомпонентные интернационализмы – словесные комплексы, функционирующие параллельно в языках разных языковых семей, и среди таковых – истинные интернационализмы: болг. *галопираща инфляция*, рус. *галлопирующая инфляция*, польс. *galopująca inflacja*, англ. *galloping inflation*, а также калькированные поликомпонентные интернационализмы: болг. *мръсни пари*, рус. *грязные деньги*, польс. *brudne pieniądze*, англ. *dirty money*. Выделяется также тип смешанных интернационализмов: болг. *глобалното село*, чеш. *globalní vesnice*, англ. *global village*. Выделяются также семантические интернационализмы (интерсемантизмы), напр., болг. *мрежа*, рус. *сеть*, польс. *sieć*, чеш. *síť*. Относительно функционального распределения новых интернационализмов С. Колковска и Д. Благоева указывают, что их применение в разных коммуникативных сферах не является аналогично активным, в том числе и в болгарском языке. Подчеркивается их исключительно большая роль в обновлении экономической лексики, в подсистемах спорта, музыки и политики. Среди терминологических подсистем авторы рассматривают компьютерную и информационную технологию и электронику, сферу СМИ и рекламы, названия профессий и должностей, реалий шоубизнеса, названий отрицательных явлений (напр., *пират* как незаконный производитель). Интернационализмы в субстандарте – в социолектах, особенно активно проявляют себя в компьютерном сленге, идущем по пути англоязычных заимствований. При этом через компьютерный подъязык интернациональные номинации распространяются среди широких кругов общества. И таким образом, тенденция к интернационализации охватывает и общеупотребительный язык (ср. название сетевого администратора: болг. *админ*, польс. *admin*, англ. *admin*).

С. Колковска и Д. Благоева подчеркивают, что адаптация интернационализмов протекает на разных языковых уровнях и может явиться источником межъязыковой асимметрии. Внутриязыковая специфика формы и содержания новых болгарских интернационализмов, будучи результатом фонетической, графической, словообразовательной, морфологической адаптации, может проявлять семантическую специфику – иметь более широкое или узкое значение, чем в языке источнике или в других славянских языках. Интеграция новых лексических единиц может осуществляться на словообразовательном уровне (формировать

словообразовательное гнездо в принимающем языке или участвовать во вторичной номинации путем метафорического или метонимического переноса). В заключение авторы указывают, что проявления интернационализации в новейшей болгарской лексике говорят об

особой активизации этой тенденции за последние несколько десятилетий, что более всего касается некоторых терминологических подсистем и некоторых тематических областей в общепотребительном языке (с. 102).

Процессы интернационализации протекают в сходной плоскости во всех славянских языках. Источником межъязыковой асимметрии, как правило, являются внутриязыковая специфика процессов адаптации и интеграции новых интернационализмов. Они являются результатом действия противоположной тенденции к национализации, выражающейся в возникновении полуинтернационализмов, калькированных и смешанных поликомпонентных интернационализмов и новых значений у исконной лексики. Национальные языки сохраняют свою активную роль в освоении интернациональных элементов, сохраняя свою национальную специфику.

В статье Галины П. Нешименко (Институт славяноведения РАН) «Парные существительные женского рода со значением лица и их функционирование и эволюция в узусе русского, чешского и польского языков» автор указывает на динамичность развития обозначенного в заглавии слоя лексики, обращая внимание на конкуренцию в истории чешского языка дублетов типа *učitelka/učitelkyně* 'учительница' (и победу полифункционального форманта *-øk(a)*). Г. П. Нешименко отмечает большой приток новых феминных номинаций, вызванных к жизни, в частности, процессами эмансипации, и подчеркивает, что «сам феномен феминных суффиксов находится на пересечении как словообразовательных, так и социолингвистических координат» (с. 112). Альтернативой для названий женщин с помощью суффиксов со значением женского лица является

использование так называемых универсальных существительных мужского рода с добавлением соответствующих компенсаторов (согласование в роде, в сочетании с приложением и т.д.) (с. 113).

В качестве доказательства широкого и естественного использования феминативов в коммуникации Г. П. Нешименко приводит экскерпции из словаря детской речи С. Н. Цейтлин: *капитан – капитанка, коман-*

дир – командирка. Г. П. Нешименко указывает, что регулирующая и корректирующая роль кодификации может способствовать значительным расхождениям между кодифицированными формациями и системными языковыми явлениями и приводить к *коммуникативному дискомфорту*. Она отмечает широкое употребление парных феминативов в современном чешском языке, причем как в разговорной речи, так и в литературном языке, в том числе в отношении «женщин, занимающих статусное положение» (с. 114) (*docentka, prezidentka*). Однако новые феминные номинации приживаются не сразу. Обращаясь к материалу русского языка, Г. П. Нешименко указывает на особое распространение парных феминативов в среде лиц, занимающихся физическим трудом или спортом (*бетонищица, каратистка*) или в профессиях, «оккупированных» женщинами (*учительница, билетерша*). При этом

в литературном узусе русского языка используются как парные феминативы (родовые корреляты), так и существительные мужского рода с несловообразовательными конкретизаторами (с. 114).

Г. П. Нешименко высказывает свое мнение по поводу употребления маскулинных форм в отношении женщин:

Утверждение о большей экономичности универсального мужского рода представляется нам неправомерным, поскольку механическая компактность на практике может привести к информационному дефициту, для покрытия которого нужно будет вводить в текст дополнительные уточнения и комментарии (с. 120).

При этом суффиксальные формации феминативов способствуют насыщению «каналов коммуникативной связи большим количеством информации, ускорением ее доведения до адресата» (с. 122). В связи с вышесказанным хотелось бы высказаться на предмет функций польских форм вежливости типа *pani dyrektor, pani doktor* и тому подобных «маскулинных» форм с женскими гендерными уточнителями. Представляется, что следует обратить внимание на нобилитирующую функцию этих форм, которая особенно отчетливо проступает при сопоставлении лексических единиц *dyrektorka* (школы) и адрессива к тому же лицу *Pani Dyrektor* и которая, раз сформировавшись в недрах польского языка, не подлежит замене феминными формами (равно как и рассмотрению в одной плоскости с чешскими феминными формами типа *Pani docentka!*) (см. подробнее: (Кульпина, 2015, сс. 74–76)).

Г. П. Нецименко указывает на явление *междиомной интерференции* и на *изменение вербального стандарта публичного общения* в связи с проникновением в литературный узус исконных суффиксов разговорной речи, что способствует усилению вариативности. Проблемы соотношения системы и нормы, по ее мнению, следует решать путем смягчения категоричности кодификационных предписаний.

Зденька Опавска в статье «К динамике многословных номинаций в современном чешском языке» рассматривает словосочетания как традиционное средство обогащения языка, в том числе в аспекте возникновения новых мультивербальных лексических единиц, их функционирования и динамики в современном чешском языке. З. Опавска отмечает, что в лингвистической терминологии, служащей описанию словосочетаний, обозначились изменения, связанные с синтагматическим и коллокационным подходами. З. Опавска делит коллокации на терминологические, ономастические и фразеологические (включая идиоматические). Она полагает, что критерий аномальности позволяет анализировать и такие лексические единицы, которые при других подходах могут считаться нефразеологическими лексическими единицами (напр., *kočičí hlavy* ‘букв. кошачьи головы’ – ‘булыжники; мостовая, мощёная булыжником’; глагольные универбативы типа *provádět analýzu* ‘делать анализ’. Она полагает, что лексические единицы следует подразделять на терминологические и терминологически нейтральные. Номинации, состоящие более чем из одного слова, З. Опавска делит на словосочетания и фраземы, подчеркивая, что границы между теми и другими «не являются резкими, они градационные, и между обеими группами единиц существуют плавные переходы» (с. 133). В связи с вышесказанным у некоторых из рассматриваемых единиц могут отсутствовать некоторые свойства и признаки, например, образность, или свойства могут проявляться не во всей полноте, например, признак устойчивости может быть выражен в большей или меньшей степени или лексическая единица вообще может относиться к переходной полосе. Среди анализируемых ею терминов немало таких, которые формируются при участии цветообозначений. Ср., напр., *černá díra* ‘черная дыра’ (астроном.); *zelená nafta* (букв. ‘зеленая нефть’): у этого словосочетания выделяются следующие значения: ‘эконефть, бионефть’ (вещество из растительного сырья) или дешевое топливо для сельхозпроизводителей с господотациями; *bílá technika* ‘белая техника’ – вид бытовой техники

традиционно белого цвета (холодильники, морозильники, стиральные машины); *černá technika* ‘черная техника’ – бытовая электроника, которая обычно темного или черного цвета (CD-плееры, видеокамеры и т.п.); *hnědá technika* ‘коричневая техника’ – бытовая аппаратура обычно коричневого цвета: телевизоры, видеоаппаратура и т.д.

Обращаясь к проявлениям динамики словарного запаса, З. Опавска отмечает их разнообразие и подчеркивает, что следует применять к ним разные подходы. З. Опавска описывает их на основе материала, уже зафиксированного в имеющихся неографических произведениях. Новые словосочетания делятся на терминологические / нетерминологические, апеллятивные / ономастические. Ср. примеры ономастических словосочетаний: *Vysegrádská čtyřka* ‘Вышеградская четверка’ (‘Вышеградская группа’); *Lisabonská smlouva* ‘Лиссабонский договор’. Со структурной точки зрения выделяются словосочетания субстантивные, адъективные, глагольные, адвербиальные. Неологические словосочетания могут распределяться на группы в зависимости от структуры составляющих их компонентов: Интересный, хотя и периферийный тип составляют единицы с морфологически неоформившимися компонентами, так называемыми квазисловами: *soap opera* ‘мыльная опера’, *profi armáda* ‘профи армия’ (от *profesionalní armáda* ‘профессиональная армия’; *SIM karta* ‘симкарта’, *e-banka* ‘е-банк’. Среди неологизмов отмечаются следующие синтаксические образования: *elektronický podpis* ‘электронная подпись’, *veřejní ochránce práv* ‘общественный правозащитник’, в том числе тяготеющие к аналитизму (ср. *hard disk* (полукалька), *reality show*). В тематическом плане среди них имеются новые предметы, оборудование, средства коммуникации, магазины, организации, ареалы (напр., *technologický park* ‘технопарк’, *komerční zóna* ‘коммерческая зона’), а также понятия политэкономии, социо- и административно-правовой сферы, информационно-коммуникативных технологий.

В области рассматриваемых словосочетаний отчетливо проявляется тенденция к интернационализации, имеющая многоаспектный характер. С одной стороны, увеличивается ассортимент заимствований (ср. *city-bike*, *music shop*). С другой стороны, те формации, которые в английском могут быть как однословными, так и более чем однословными, в чешском языке также варьируют, не получая единого графического оформления (*fast-food/fastfood*, *second-hand/secondhand*). В противовес тенденции к аналитизму действуют и другие тенденции: к экономии, к выравниванию по

аналогии, к национализации, автохтонизации. Тенденция к экономии проявляется в универбизации, ср. *mikrovlnka* ‘микроволновка’, *kreditka* ‘кредитка’. В таких случаях многословные наименования, от которых образовались универбы, выступают как источник языковой динамики. Тенденцию к выравниванию по аналогии мы можем наблюдать на примере возникновения чешского многословного названия от англоязычных однословных формаций (ср. *elektronické bankovníctví* от *e-banking*, *mýdlová opera* от *soap-opera* и т.д.).

В статье Албены Рангеловой и Зденьки Тихой (Институт чешского языка Академии наук Чешской Республики) «Динамика аббревиации и аббревиационных формаций (на чешском языковом материале)» обсуждаются проблемы и тенденции, связанные с языковой динамикой аббревиационных структур чешского языка. В то же время отмечается, что проанализированные лингвистические и экстралингвистические явления являются общими для всех славянских языков. Прежде всего авторы останавливаются на тенденциях к интернационализации и интеллектуализации и в то же время на тенденциях к адаптации и демократизации. Из затрагиваемых аспектов авторы считают особо важными, с одной стороны, языковую экономию и, с другой стороны, обеспечение эксплицитности и детализации плана выражения. Освещаются проявления языковой креативности носителей чешского языка, как-то: языковая игра и экспрессивность. На фоне общих тенденций, проявляющихся в славянских языках, описывается чешская специфика. С точки зрения письменной коммуникации рассматриваемые аббревиатуры предстают как неологизмы. Авторы интересуют прежде всего узусализованные неологические аббревиатуры, однако во внимание принимается и ряд окказионализмов. Внимание обращается на выходящие из употребления аббревиатуры и те, которые из употребления уже вышли. В анализ включаются и аббревиатуры-термины, вступающие в литературный язык благодаря СМИ. Терминологические сокращения, поменявшие свой статус в языке, называются функциональными неологизмами. Анализ лексической системы осуществляется А. Рангеловой и З. Тихой в плане синхронной динамики. Собранный материал охватывает период с 90-х гг. по сегодняшний день. Сокращения определяются как вторичные наименования; они существуют на фоне полных наименований, их структурным признаком является фрагментарность. Сокращения рассматриваются как особые лексические формации, существующие

на втором плане первичных наименований и являющиеся в отношении таковых вторичными номинациями. При этом чем меньше зависимость сокращения от полного наименования, тем надежнее оно включается в лексическую систему и в тем большей степени утрачивает характер вторичной номинации (заменителя). Чешские языковеды сходятся в том, что аббревиация является периферийным способом словообразования. Традиционно они делят аббревиатуры на графические, графическо-фонические, инициальные, морфемные, сокращенные слова (*lima* от *limonada*) и сложносокращенные слова (*bankomat*, *hifi*). Выделяются такие признаки сокращений, как краткость, экономность, многозначность (омонимия). Среди проявлений динамики аббревиатур называется исчезновение многих из них в связи с исчезновением их денотатов (как следствие общественно-политических изменений). С другой стороны, отмечается большое количество новых единиц (напр., *PC* – *personal computer*). Именно тотальный рост числа сокращений называется в качестве признака динамики таких формаций, а среди причин такого роста упоминается расширение *информационной оснащенности* (с. 154). Наряду с уже привычными аббревиатурами распространяются буквенно-цифровые сочетания (напр., *3D*). Приметой наших дней является значительный прирост числа специальных сокращений. Причина такого прироста коренится в комплексном влиянии потребностей в номинации и в новых запросах общества. Это также проявление тенденции к интеллектуализации и демократизации. Знаменательно, что неологические аббревиатуры покрывают весь спектр уже существующих структурных типов. Исконно английские аббревиатуры превращаются в интернационализмы. А. Рангелова и З. Тиха обращают внимание на специфический тип графическо-фонических сокращений со словообразовательными элементами с *e*- в значении электронный, *i*- в значении интернет и *m*- в значении мобильный. Ср. *e-learning*, *i-book*, *m-banking*. К фоническим относятся сокращения типа *DJ* → *dýdžej* ‘диджей’. Они фиксируют появление новых сокращенных слова типа *demo* ‘демонстрационный’. Имеется случаи и так называемой супплетивной аббревиации типа пиктограмм и смайликов. Динамика формы проявляется в ее вариантности (*VIP* и *vip*). Словообразовательная активность сокращений проявляется в том, что многие из них лексикализуются и начинают склоняться, как обычные слова. Взаимовлияние аббревиации и словообразовательной мотивации также приводит к образованию новых слов,

ср. *Djovat / dýdžejovat* ‘*диджеить’. А. Рангелова и З. Тиха анализируют многочисленные дериваты, образовавшиеся от сокращения *NATO* ‘НАТО’. Функционально-коммуникативная характеристика аббревиационных структур в основном связана со специальной и научно-популярной сферами, с публицистикой и администрацией; именно сокращенные структуры придают им стилистическую отмеченность.

В области семантики аббревиационных структур авторами выделяются типы номинации и тематические области. Традиционно выделяются сферы торговли, рекламы, рекламных объявлений, научная, учрежденческая, спортивная. Тематическая привязка аббревиатур проистекает из информационной насыщенности современной жизни, ее наукоизации. А. Рангелова и З. Тиха отмечают большое количество среди сокращений *nomina propria*: названий предприятий, организаций, политических партий, отражающих динамику экстралингвистической реальности (ср. *BRICS* – объединение государств Бразилии, России, Индии и Китая). Авторы указывают, что тематически апеллятивные сокращения бывают самых разных типов. Они обозначают новые изделия, новые технологии, новинки сферы музыки и развлечений, автомобилестроения и администрации. В области лексической семантики наблюдается такое явление, как двойная реализация – чередование субстантивной и адъективной функций, ср. *zakazat GMO* ‘запретить ГМО’ и *GMOprodukty* ‘ГМОпродукты’. А. Рангелова и З. Тиха фиксируют нечастое, но встречающееся явление метафорического переноса: *UFO zysku* ‘НЛО прибыль’, *UFO zdroje* ‘НЛО источники’, иными словами, *непонятно откуда взявшаяся прибыль, неясно, из каких источников, какого происхождения что-л.* Авторы указывают на возможность стирания мотивационного отношения между аббревиатурой и ее полным звучанием. В сфере аббревиации нередко языковая экспрессия; в публицистике нередки примеры окказионального употребления сокращений. Примером уподобления может служить *Semafor* ‘Семафор’ (формация, образовавшаяся от словосочетания *Sedm malých forem* ‘Семь малых форм’). Авторы подчеркивают, что аббревиатуры являются развивающейся группой лексики. Хотя она может считаться периферийной, однако в деривационном плане она продуктивна и чрезвычайно активна.

В статье Зофи Рудник-Карватовой (Институт славистики ПАН, Варшава) «Динамика структур сложений в славянских языках» отмечается повышение активности сложений типа польс. *cyberportret* ‘киберпортрет’, *euroentuzjasta* ‘евроэнтузиаст’, *wideoimpreza* ‘видеомероприятие’,

чеш. *audionosič* ‘аудионоситель’, *eurokvalifikace* ‘евроквалификация’, рус. *биогель*, *рок-движение*, *экспресс-поставки*. Среди причин такого явления З. Рудник-Карватова называет активизацию контактов, оборота информации, в целом процессов заимствования иноязычной лексики (чаще англо-американской интернационального характера) и переноса иноязычных структурных моделей. Она указывает на трудности с интерпретацией словообразовательных механизмов, установлением статуса возникающих формаций и с разнообразием в применяющейся терминологии. Члены сложений получают названия член, компонент, элемент, частица. Ряд исследователей интернациональные элементы типа **био-**, **евро-**, **видео-** интерпретируют как префиксальную деривацию или локализуют между композицией и аббревиацией. Посредством таких названий, как *префиксоид*, *аффиксоид*, *полопрефикс*, *конфикс*, *префиксоид*, *аффиксоид*, *преморфема* этим элементам фактически приписываются функции формантов. В то же время некоторые исследователи, усматривая различия между новыми формациями и уже существующими, обращают внимание на их связь со словосочетаниями и сложениями. Словообразовательный механизм таких структур базируется на серийно повторяющихся элементах по типу интернационализмов или заимствований-калек (ср. рус. *экспресс-опрос*, польс. *wideoimpreza* ‘видеомероприятие’, чеш. *e-seznamka* ‘е-служба знакомств’). Англоязычное заимствование от *videoclip/video clip* шагнуло на славянскую почву в виде многочисленных структурных повторений типа *wideokaseta* ‘видеокассета’, *wideonagranie* ‘видеодиск’, чеш. *videokatalog* ‘видеокаталог’, *videonovinka* ‘видеоновинка’, рус. *видеоролик*, *видеопрокат*. Приводятся также примеры с элементом **cyber-**: польс. *cyberkawiarnia* ‘киберкафе’, *cyberrandka* ‘киберсвидание’, чеш. *kyberkavárna* ‘киберкафе’, рус. *киберпространство*.

З. Рудник-Карватова отмечает, что левосторонние элементы сложений традиционно представляют собой интернационализмы греческого или латинского происхождения (напр., **аудио-**, **био-**, **гео-**, **стерео-**, **фото-**, **электро-**, **этно-**). Традиционной сферой их применения были научные терминологии, однако в наши дни они входят в повседневный быт (ср. *биойогурт*). Некоторые из них являются конденсатами (ср. польс. *test psychologiczny – psychotest* ‘психологический тест – психотест’, чеш. *informační katalog – infokatalog* ‘информационный каталог – инфокаталог’, рус. *Европейский союз – Евросоюз*, *фестиваль джазовой музыки – джаз-фестиваль*). З. Рудник-Карватова полагает, что такие конденсированные структуры

можно интерпретировать как универбизмы – «вторичные названия, которые выступают наряду со своими более разветвленными словообразовательными основами...» (с. 174). Словосочетания, подверженные универбизации, являются устойчивыми структурами. Такой структурой является, например, *Parlament Europejski* 'Европейский парламент, преобразующийся в универбизм *Europarlament* 'Европарламент'. Хотя сложения не получили единообразной дефиниции, их словообразовательный статус обычно не ставится под сомнение (однако в таком статусе им отказывают исследователи, рассматривающие их как сочетание аналитического прилагательного с существительным). Эти структуры являются неделимыми единицами словаря, образующими одну номинацию и одно функционально-грамматическое целое, о чем говорят некоторые присущие им особенности: а) у этих структур невозможно менять порядок элементов или вставить между ними какое-то другое слов; б) атрибут выступает всегда в препозиции к определяемому слову; в) структура склоняется как единый комплекс, в котором окончания присоединяются лишь к элементу в постпозиции; г) в отличие от традиционных сложных слов у этих структур отсутствует соединительный гласный – интерфикс.

З. Рудник-Карватова отмечает в сфере сложений проявления двух тенденций – к аналитизму и к агглютинации:

Рост агглютинативности замечен прежде всего в продуктивности полиморфемных структур, компоненты которых связаны друг с другом без каких-либо дополнительных явлений на стыке морфем, в том числе интерфиксации и морфонологических изменений... (с. 178).

На основе анализа она делает вывод, что из славянских языков наибольшим уровнем агглютинативности характеризуется русский язык, в котором соответствующие процессы активизировались в 80–90 гг. XX в. Языковые единицы «слепляются» друг с другом в определенные последовательности, иногда состоящие даже из трех-четырех элементов. Польский язык на фоне других славянских и германских языков отличается порядком слов в устойчивых словосочетаниях – здесь сначала идет определяемый член, затем его атрибут. В связи с этим в польском языке, в отличие от других славянских языков, сложения развились в меньшей мере. В русском языке имеется почти столетняя традиция формирования сложносокращенных слов (*медкомиссия*, *спецгруппа*). Сложносокращенные слова особую продуктивность развили после 1917 г. Русские сложения

характеризуются особой структурой: их первые элементы всегда легко распознаваемы (**лит-**, **спец-**, **мос-**), так как представляют собой слова-ключи, особенно важные на данном этапе жизни общества. Через них проявляются идеолого-доктринальные приоритеты (напр., *политинформация*, *партизгруппа*, *соцстрана*). З. Рудник-Карватова распределяет эти элементы по их социосемантической наполненности, подчеркивая их достаточно синкретичный характер. Так, например, элемент **спец-** может служить эвфемизмом для пенитенциарного заведения (*спецтюрьма*), магазина для привилегированных лиц (*спецмагазин*), может указывать на секретность (*спецхранилище*), на предназначенность для особых целей (*спецгруппа*). Структуры русского языка характеризуются серийностью (с элементами **гор-**, **рай-**, **ген-**: *райсовет*, *горсовет*, *гендиректор*). В период перестройки особый размах приобрели структуры с элементами **гос-**, **дем-**, **нац-**, **нар-**, **мос-** (*нацвалюта*, *госзаказ*). Они осциллируют к норме, нормативности, хотя многие из них воспринимаются как разговорные и экспрессивные. Обращаясь к современной неологии, З. Рудник-Карватова отмечает особую продуктивность, активность и серийность ряда структур русского языка (напр., *экспресс-диагностика*, *экспресс-новость*, *экспресс-почта* и др.). Неологические структуры, в отличие от традиционных сложносокращенных слов являются вторичными названиями объектов, заменяя их разветвленные структуры, в то время как традиционные сложносокращенные номинации являлись новыми номинациями, называвшими новые явления. Неологизмы с элементом **cyber-** нередко имеют разветвленные синонимы. Ср. *cybersklep* 'кибермагазин' – *sklep internetowy* 'интернет-магазин'. Элемент **e-** нередко выступает как синоним элемента **cyber-** (*e-sklep* – *cyber-sklep* 'е-магазин – кибер-магазин').

З. Рудник-Карватова отмечает, что «за последние 15–20 лет в исследуемых языках проявились явления и тенденции, являющиеся знаком системных и типологических изменений» (с. 185), что связано с активизацией сложений, приходящих из одного языкового ареала – англо-американского. Эти структуры адаптировались в славянских языках прежде всего как кальки, образцы для формирования аналогичных структур. Особенно активны эти процессы в русском языке. В польском языке их действие ограничивается таким системным явлением польского языка, как порядок слов. З. Рудник-Карватова констатирует, что несмотря на развитие ряда аналитических тенденций, исследуемые языки остаются языками синтетическими.

Библиография

- Banasiak, J. (2012). Nowe bułgarskie i polskie predykatory denominalne. In Z. Rudnik-Karwatowa (Ed.), *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku* (pp. 35–52). Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Prace Sławistyczne, 136).
- Bojar, B., & Korytkowska, M. (1993). Problemy konfrontatywnego opisu czasowników denominalnych w języku polskim i bułgarskim. In V. Koseska-Toszeza & M. Korytkowska (Eds.), *Studia gramatyczne bułgarsko-polskie* (Vol. 5–6, *Konfrontacja językowa. Słowotwórstwo. Wybrane kategorie semantyczne*, pp. 29–49). Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy.
- Bosák, J. (2012). Variantnosť ako najvýraznejšia charakteristika jazykových situácií v posledných dvoch desaťročiach. In Z. Rudnik-Karwatowa (Ed.), *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku* (pp. 53–63). Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Prace Sławistyczne, 136).
- Horecký, J., Buzássyová, K., & Bosák, J. (1989). *Dynamikia slovnej zásoby súčasnej slovenčiny*. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akademie ved.
- Janovec, L. (2012). Uzuálnosť a okazionalnosť v internetovej komunikácii. In Z. Rudnik-Karwatowa (Ed.), *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku* (pp. 65–81). Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Prace Sławistyczne, 136).
- Opavská, Z. (2012). K dynamice viceslovných pojmenování v současné češtině. In Z. Rudnik-Karwatowa (Ed.), *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku* (pp. 127–145). Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Prace Sławistyczne, 136).
- Rangelova, A., & Tichá, Z. (2012). Dynamika abreviace a abreviačných útvarů (na českém jazykovém materiálu). In Z. Zofia Rudnik-Karwatowa (Ed.), *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku* (pp. 147–169). Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Prace Sławistyczne, 136).
- Rudnik-Karwatowa, Z. (2012a). Dynamika struktur złożeniowych w językach słowiańskich. In Z. Rudnik-Karwatowa (Ed.), *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku* (pp. 171–188). Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Prace Sławistyczne, 136).
- Rudnik-Karwatowa, Z. (Ed.). (2012b). *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku*. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Seria Prace Sławistyczne, 136).
- Бакърджиева, Г. (2012). Търговската марка – правни норми и речева употреба (върху материал от български език). In Z. Rudnik-Karwatowa (Ed.), *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku* (pp. 9–33). Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Prace Sławistyczne, 136).
- Колковска, С., & Благоева, Д. (2012). Интернационализация на новата лексика (върху материал от българския език). In Z. Zofia Rudnik-Karwatowa (Ed.), *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku* (pp. 83–106). Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Prace Sławistyczne, 136).

- Кульпина, В. Г. (2015). Матричная презентация форм вежливости японского языка в трудах В. М. Алпатова как аналитическая база параметризации речевого этикета в славянских языках. In А. С. Панина (Ed.), *Язык. Общество. История науки. К 70-летию члена-корреспондента РАН В. М. Алпатова. Тезисы докладов международной научной конференции 22–23 апреля 2015 г.* (pp. 74–76). Москва: Институт востоковедения РАН.
- Нещименко, Г. П. (2012). Парные существительные женского рода со значением лица и их функционирование и эволюция в узусе русского, польского и чешского языков. In Z. Rudnik-Karwatowa (Ed.), *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku* (pp. 107–126). Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Prace Slawistyczne, 136).
- Попова, М., (2006). Терминологични проблеми на глобализацията в български език. In Е. Пернишка (Ed.), *Националният език в условията на чужди влияния и глобализация* (pp. 161–166). София: СУБ.

Bibliography (Transliteration)

- Bakŭrdzhieva, G. (2012). Tŭrgovskata marka – pravni normi i recheva upotreba (vŭrkhu material ot bŭlgarski ezik). In Z. Rudnik-Karwatowa (Ed.), *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku* (pp. 9–33). Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Prace Slawistyczne, 136).
- Banasiak, J. (2012). Nowe bŭlgarskie i polskie predykatory denominalne. In Z. Rudnik-Karwatowa (Ed.), *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku* (pp. 35–52). Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Prace Slawistyczne, 136)
- Bojar, B., & Korytkowska, M. (1993). Problemy konfrontatywnego opisu czasowników denominalnych w języku polskim i bŭlgarskim. In V. Koseska-Toszeva & M. Korytkowska (Eds.), *Studia gramatyczne bŭlgarsko-polskie* (Vol. 5–6, *Konfrontacja językowa. Słowotwórstwo. Wybrane kategorie semantyczne*, pp. 29–49). Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy.
- Bosák, J. (2012). Variantnosť ako najvýraznejšia charakteristika jazykových situácií v posledných dvoch desaťročiach. In Z. Rudnik-Karwatowa (Ed.), *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku* (pp. 53–63). Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Prace Slawistyczne, 136).
- Horecký, J., Buzássyová, K., & Bosák, J. (1989). *Dynamikia slovnej zásoby súčasnej slovenčiny*. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akademie ved.
- Janovec, L. (2012). Uzuálnosť a okazionalnosť v internetovej komunikácii. In Z. Rudnik-Karwatowa (Ed.), *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku* (pp. 65–81). Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Prace Slawistyczne, 136).
- Kolkovska, S., & Blagoeva, D. (2012). Internatsionalizatsiia na novata leksika (vŭrkhu material ot bŭlgarski ezik). In Z. Rudnik-Karwatowa (Ed.), *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku* (pp. 83–106). Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Prace Slawistyczne, 136).

- Kul'pina, V. G. (2015). Matrichnaia prezentatsiia form vezhливosti iaponskogo iazyka v trudakh V. M. Alpatova kak analiticheskaia baza parametrizatsii rechevogo etiketa v slavianskikh iazykakh. In A. S. Panina (Ed.), *IAzyk. Obshchestvo. Istoriia nauki. K 70-letiiu chlena-korrespondenta RAN V. M. Alpatova. Tezisy dokladov mezhdunarodnoĭ nauchnoĭ konferentsii 22–23 apreliia 2015 g.* (pp. 74–76). Moskva: Institut vostokovedeniia RAN.
- Neshchimenko, G. P. (2012). Parnye sushchestvitel'nye zhenskogo roda so znacheniem litsa i ikh funktsionirovanie i evolutsiia v uzuse russkogo, pol'skogo i cheshskogo iazykov. In Z. Rudnik-Karwatowa (Ed.), *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku* (pp. 107–126). Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Prace Slawistyczne, 136).
- Opavská, Z. (2012). K dynamice viceslovných pojmenování v současné češtině. In Z. Rudnik-Karwatowa (Ed.), *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku* (pp. 127–145). Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Prace Slawistyczne, 136).
- Popova, M. (2006). Terminologichni problemi na globalizatsiata v bŭlgarski ezik. In *Natsionalniiat ezik v usloviata na chuzhdi vliianiia i globalizatsiia* (pp. 161–166). Sofija: SUB.
- Rangelova, A., & Tichá, Z. (2012). Dynamika abreviace a abreviačních útvarů (na českém jazykovém materiálu). In Z. Rudnik-Karwatowa (Ed.), *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku* (pp. 147–169). Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Prace Slawistyczne, 136).
- Rudnik-Karwatowa, Z. (2012a). Dynamika struktur złożeniowych w językach słowiańskich. In Z. Rudnik-Karwatowa (Ed.), *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku* (pp. 171–188). Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Prace Slawistyczne, 136).
- Rudnik-Karwatowa, Z. (Ed.). (2012b). *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Prace Slawistyczne, 136).

Modern Slavic languages and academic Slavic Studies: processes, tendencies, communication and derivation

Summary

The article is a review of the volume *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku* („Prace Slawistyczne – Slavica” series, vol. 136), ed. Zofia Rudnik-Karwatowa, Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, Warszawa 2012, 188 pp.

Współczesne języki słowiańskie a akademicka slawistyka: procesy, tendencje, komunikacja i derywacja

Streszczenie

Artykuł stanowi recenzję pracy *Specyfika leksyki i słowotwórstwa języków słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku* („Prace Slawistyczne – Slavica”, 136), red. Zofia Rudnik-Karwatowa, Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, Warszawa 2012, 188 ss.

Keywords: lexis; derivation; contemporary language; Bulgarian language; Polish language; Russian language; Slovak language; Czech language; Slavic languages

Słowa kluczowe: leksyka; derywacja; język współczesny; język bułgarski; język polski; język rosyjski; język słowacki; język czeski; języki słowiańskie

(1) Valentina Grigor'evna Kulpina, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Correspondence: vgrkulpina@mail.ru

(2) Victor Andreevich Tatarinov, Russian Terminology Society (RossTerm), Moscow

Correspondence: rossterm@mail.ru

Authors contribution: Both authors participated in elaborating research ideas and writing the manuscript. The work was self-funded by the authors.

Competing interests: The authors have declared they have no competing interests.